

18 Жизнь прожить — не поле перейти

Евгений Чертовских

Повесть

Евгений Чертовских

**Жизнь прожить –
не поле перейти. Повесть**

«Издательские решения»

Чертовских Е.

Жизнь прожить – не поле перейти. Повесть / Е. Чертовских —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515851-2

Повесть основана на воспоминаниях женщины, родившейся в начале XX века и прожившей долгую, сложную, полную приключений жизнь. Ее жизнь сама по себе целая эпоха, в которой отражается судьба страны.

ISBN 978-5-00-515851-2

© Чертовских Е.
© Издательские решения

Содержание

Жизнь прожить – не поле перейти	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Жизнь прожить – не поле перейти

Повесть

Евгений Чертовских

© Евгений Чертовских, 2020

ISBN 978-5-0051-5851-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Яковлевна, отметив свой 75-летний юбилей, села за письменный стол, взяла тетрадь, ручку и начала писать, уместая на строчках ученической тетради свою прожитую жизнь. Зачем ей это надо? А это надо не ей, всё, что она описывает, уже с ней произошло, это надо потомкам. На первой строчке она написала: «Посвящаю моей дочери Надежде, внучке Анне и правнукам Марии и Ивану».

С этими записями, с согласия семьи, дали познакомиться мне – автору этих строк. Прочитав воспоминания человека, прожившего сложную, наполненную событиями жизнь, я считал своим долгом донести всё, что я узнал из этих записей до нынешних и будущих поколений, ибо то, что там описано ценно своей правдивой информацией непосредственного участника изложенных событий. В строчках, написанных твёрдой рукой, отражение целой эпохи, отражение без искажений.

Жизнь прожить – не поле перейти

Холодная дождливая весна 1919 года. В маленьком городке Минусинске, расположенном при впадении речки Минусы в судоходный проток Енисея, колчаковцы на площади около церкви собрали местное население, и казачий атаман обратился к народу:

– Кого хотите избрать городским головой?

Наступила тишина. После разгромленного в ноябре крестьянского восстания жители города побаивались оказаться в структурах управления городом. Атаман, постукивая нагайкой по сапогу, как-то недобро посмотрел на толпу и прорычал:

– Нууу!

Напряжённость стала усиливаться, но тут послышались голоса:

– Ефимова!

– Учителя Ефимова Якова Васильевича!

Толпа зашевелилась, ожила. Вопрос решён, выход найден и присутствующие один за другим начали выкрикивать фамилию учителя местной школы. На лице казачьего атамана заиграла улыбка.

Так как других кандидатур не поступило на том и порешили – учитель Ефимов и будет городским головой.

О семье Якова Васильевича надо сказать отдельно. Его мать умерла рано. Отец ещё до рождения детей зимой поскользнулся, упал и ударился затылком об лёд, после этого он потерял зрение, так никогда и не увидел своих сыновей. Младший брат Николай учился в гимназии. Жена, Мария Сергеевна работала учительницей младших классов и ждала рождения ребёнка.

У Марии Сергеевны было две сестры – Анна и Татьяна, и два брата – Михаил и Николай. Татьяна закончила акушерско-фельдшерскую школу, но работала учительницей вместе со старшей сестрой. Михаил ушёл в армию Колчака и погиб в боях с красными партизанами. Семья тяжело перенесла его смерть. Отец, Сергей Попов, работавший продавцом в винной лавке, запил. Когда уже не было сил терпеть пьянство мужа, Пелагея Афанасьевна, его жена, выгнала главу семьи из дома, оставшись одна с младшими детьми без средств к существованию. Чтобы прожить и выучить детей Пелагея ходила по домам и стирала бельё. Николай, когда подрос, решил выучиться на инженера, уехал в Красноярск, там простудился, заболел крупозным воспалением лёгких и умер.

В таком состоянии застала весна 1919 года семью Ефимовых-Поповых.

– Машенька, надо уезжать отсюда и чем быстрее, тем лучше, – Яков нервно ходил по комнате.

– Почему, Яша?

– Не могу я. Сегодня приказали мне организовать прилюдную порку мужиков, которые не сдали вовремя продовольствие. Как я могу? – Яков схватил себя за рубашку у горла. – Им самим жрать нечего. Я их детей в школе учил. Не могу я.

– Ну, давай уедем, – робко прошептала жена.

– Я что, изверг? Тебе рожать вот-вот. Господи! Что делать?

– Яшенька, я потерплю. Я справлюсь.

Яков посмотрел на Марию взглядом полным любви и нежности, подошёл и обнял её.

– Давай, – тихо сказал он, – рожай, а там посмотрим. Это я потерплю, а ты рожай.

26 мая Мария родила девочку, назвали её Еленой.

Каждое утро Яков уходил в управу, как на каторгу. Перед уходом целовал жену и дочку, тяжело вздыхал и уходил, опустив голову. Вечером возвращался хмурый и уставший.

– Машенька, когда дочку от груди отлучишь? – спросил он как-то вечером супругу.

Мария посмотрела на мужа понимающим взглядом.

– Потерпи немного, уже скоро.

И как только девочку перестали кормить грудью, Яков уговорил Марию оставить дочку на попечение бабушки Пелагеи, а самим срочно бежать из города.

– Ну, куда вы от ребёнка бежите? – возмущалась Татьяна.

– Не лезь! – властным голосом остановила свою дочь Пелагея. – Не от дитя бегут, сама знаешь, а чтобы ребёнок сиротой не остался.

– Куда же поедете? – печально спросила Анна.

– В Харбин, – ответил Яков. – Время выждем и вернёмся или туда заберём Леночку.

– Езжайте. С Богом! – перекрестила всех Пелагея.

Так и было сделано – супруги Ефимовы уехали в Харбин, оставив дочь на воспитание бабушке и двум тёткам: Татьяне и Анне.

Девочка росла под чутким надзором бабушки и тёток. Прошёл год, второй, а от родителей никаких вестей. По вечерам бабушка Пелагея молилась у иконы, вспоминая дочь и её мужа, Татьяна ворчала, а Анна, тихо напевая, убаюкивала племянницу.

Только через четыре года пришло письмо от родителей Лены, в котором сообщалось, что в данный момент они находятся в Чите, где работают артистами в городском театре, и им очень хочется, чтобы дочь их была с ними. Это известие настолько воодушевило семью, что бабушка и тётки быстро собрались и все вместе отправились в Читу. Сами того не зная, этим переездом они положили начало своим многочисленным переездам по стране в поисках лучшего места для жизни.

В Чите Ефимовы снимали небольшую двухкомнатную квартиру с удобствами на улице. Бабушке Пелагее и двум сёстрам выделили для проживания одну из двух комнат, как говорится: «в тесноте, да не в обиде».

Надо сказать, что и Ефимовы уже не были Ефимовыми, они взяли театральные псевдонимы и теперь были Ураловы, и в городе были хорошо известны. Особенно в почёте у публики была Мария. Высокая, стройная с благородной осанкой, выходя на сцену, поворачивалась лицом к зрителям и широко открывая большие карие глаза, пронзала взглядом каждого сидящего там. Наступала тишина, кто-то среди зрителей произносил: «Ах!» и зал взрывался бурными аплодисментами.

Дом, где жила большая семья, располагался рядом с театром и городским парком. По вечерам в парке играл духовой оркестр, а молодёжь танцевала под его музыку на танцплощадке. Маленькой Леночке очень хотелось попасть в парк, посмотреть на оркестр и танцующих, но родители её с собой не брали, обосновывая это тем, что у неё нет приличных платья и обуви. Но, как-то, выбрав момент, когда взрослые отвлеклись, она отправилась в парк одна.

– Девочка, ты с кем? – остановив одинокого ребёнка, спросила женщина, проверявшая на входе в парк билеты.

– Я, Елена Уралова, дочь артистов Ураловых! – с гордостью ответила Лена.

Женщина, глядя на маленькую симпатичную девочку, засмеялась:

– Ну, тогда проходи.

Послушав музыку и посмотрев на танцующих, Лена отправилась домой, где в это время был переполох по поводу пропажи ребёнка.

– Где ты была!? – в истерике закричала мама, схватив дочь за руку.

– В парке музыку слушала, – прозвучало честное признание.

– Вы посмотрите на неё! – продолжала кричать мама. – Она меня опозорила! В грязном платье и грязных ботинках, срам! Меня все в городе знают! Разговоры начнутся!

Мария схватила, висевший на стуле ремень мужа и сильно стегнула им дочь ниже спины. Отец тут же выхватил ремень из рук жены, гневно посмотрел на неё и сказал:

– Чтобы этого больше никогда не было! Нужно уметь воспитывать без ремня!

После слов отца в комнате воцарилась тишина. Лена стояла молча, приложив ладошку к месту, куда был нанесён удар ремнём, по её щекам ручьём катились слёзы. Мать ушла на кухню. Бабушка и тётки так и остались стоять у входа в комнату. С этого дня Мария Сергеевна никогда в жизни больше не поднимала руку на дочь.

– Где большая сковорода, – раздался голос Анны с кухни.

– На месте должна быть, – бросила в сторону кухни Мария.

– Не могу найти! Татьяна, ты брала?

– О господи! – недовольно произнесла Татьяна и направилась в сторону кухни.

С кухни раздалась металлические звуки, вернее грохот, затем нечленораздельные скороговорки двух женщин.

– Я вам что – посудомойка? – Татьяна вышла из кухни, сильно захлопнув за собой дверь.

– А я?! Нанялась готовить на всю ораву, да ещё и посуду мыть бесконечно, – казалось, что вошедшая Анна обратилась к Марии.

– Я целыми днями в театре вкалываю, – чуть не плача стала оправдываться Мария.

– А мы, можно сказать, не вкалываем, а дурака валяем целый день, – не сдержалась Татьяна. – Весь дом на нас! У меня к вечеру руки отваливаются.

Бабушка Пелагея слушала разборку сестёр, сидя молча на табурете в углу комнаты. Такие баталии были не редки, тем более, что трём женщинам на одной кухне ужиться было сложно.

– Всё! Наступил предел моему терпению, – Татьяна стояла с красным лицом, уперев в бока руки. – Уеду!

– Как? Куда? – испуганно спросила Мария.

Все молча смотрели на Татьяну, а та застыв как изваяние, не знала, что сказать.

– Зачем? – тихо спросила Анна.

Татьяна ожила, повернулась к Анне и так же тихо произнесла:

– Затем.

Все успокоились, напряжение спало, и все подумали, что Татьяна погорячилась с заявлением.

– Уеду, – вдруг сказала Татьяна, – работать уеду. На Байкал.

Угроза оказалась не пустой. На следующий день Татьяна, молча собрала вещи, сказала всем: «Всего хорошего!» и ушла на станцию. Через неделю от неё пришло письмо, где она сообщала, что находится на станции Слюдянка, которая располагается на берегу озера Байкал, там устроилась в больницу фельдшером-акушеркой и получила небольшую квартиру.

– Вот такие дела, – медленно проговорила Мария, складывая письмо.

– Поживёт там, успокоится и всё нормализуется, – уходя из комнаты, проговорила бабушка Пелагея.

Недели через две после отъезда Татьяны за ужином Анна завела разговор.

– Маша, я вот что хочу сказать, – как-то не очень уверенно начала говорить Анна.

– Что-то случилось? – насторожилась Мария.

– Можно сказать – нет. Но...

Все замерли. Пелагея прижала руки к груди и напряглась.

– Я замуж выйду. Хорошо?

Звук общего выдоха разорвал тишину.

– Ты нас спрашиваешь или ставишь перед фактом? – улыбаясь, спросила Мария.

– Объявляю, – смущённо ответила сестра.

– И где же ты его нашла, и главное когда? – не удержалась Пелагея.

– Так в магазин у нас кто ходит? – засмеялся Яков.

– Анечка, ты бы нас познакомила со своим избранником или хотя бы рассказала о нём.

– Чего рассказывать? – начала свой рассказ Анна. – Он работает бухгалтером, живёт с отцом в своём доме.

– Ого, – заметил Яков.

– Да, чего ого? Отец больной, лежачий. Кроме Ивана у него было пять дочерей, в 1919 году они уехали в Америку за обещанными им «золотыми горами», с тех пор их никто не видел. Вот отец и слёг после этого.

– Но ведь теперь...

– Я понимаю, теперь я буду ухаживать за больным, – как-то обречённо проговорила Анна.

– Зачем же тогда ты..., – начала Мария.

– Люблю я его, человек он очень хороший.

– Ну да, ну да, – Пелагея вытерла слёзы и встала из-за стола.

Анна посмотрела на всех, как бы извиняясь, что оставляет их, а присутствующие смотрели на Анну с сожалением, понимая какую она себе уготовила судьбу.

Но, несмотря на то, что сёстры разъехались, они всё же сохранили хорошие отношения между собой, и связующим элементом стала маленькая Леночка.

– Мам, – Мария обняла за плечи Пелагею, – мы с Яковым уезжаем на гастроли с агитпоездом.

Пелагея вопросительно посмотрела на дочь.

– Как долго вас не будет?

– Возможно два месяца...

– Понятно, – Пелагея подошла к окну, задумчиво посмотрела на улицу.

– Мам.

– Да, да. Конечно, езжайте, мы справимся.

– Я Татьяне дам телеграмму, поживёте пока у неё. Вместе будет спокойней.

– Спокойней, это точно, – Пелагея посмотрела на дочь и усмехнулась.

Жизнь в небольшом посёлке, где жила Татьяна, была скучной для Лены – бабушка всё время занималась готовкой на кухне и уборкой в квартире, а Татьяна целыми днями была на работе. Накануне Пасхи бабушка напекла всяких «вкусностей» и сказала:

– Надо отвезти Анюте!

Лена подпрыгнула от радости и заявила:

– Ура! Я это всё отвезу!

Пелагея в ответ улыбнулась и погладила внучку по голове.

– Конечно, отвезёшь, – и вопросительно посмотрела на Татьяну.

Лена с надеждой смотрела на бабушку и тётю, и не могла понять, почему они так странно смотрят друг на друга.

Татьяна пожалала плечами, подняла вверх брови, поджала губы и, глядя на бабушку Пелагею, сказала:

– А что? Дадим Ане телеграмму, посадим Лену на поезд, а она там встретит.

Бабушка, в знак согласия, молча покачала головой.

Дали Анне телеграмму, чтобы встретила племянницу, упаковали чемодан и посадили ребёнка на поезд.

Была в роду Поповых у женщин одна особенность – они никогда вовремя никуда не приходили.

Поезд прибыл в Читу, стоянка 3 минуты, а тётки Ани на платформе нет. Чемодан тяжёлый, не всякий взрослый его просто так поднимет.

– Дяденька, – обратилась Лена к сидящему рядом мужчине, – помогите чемодан вынести.

Мужчина посмотрел на маленькую девочку, затем перевёл взгляд на чемодан, который явно был неподъёмный.

– Ты, девочка, беги на перрон, а я постерегу твой чемодан, так быстрее найдёшь своих родственников.

Ребёнка уговорить несложно, и Лена выбежала из вагона. Долго искать не пришлось, тётя Аня с мужем бежали по перрону в её сторону.

– В каком вагоне? – на бегу крикнул Иван.

Лена указала на вагон, и в этот момент прозвучал второй удар колокола, вот-вот поезд должен тронуться. Иван побежал к начальнику вокзала и уговорил задержать поезд.

– Не более двух минут, – последовал ответ.

А дальше всё произошло, как в кино. Иван влетел в вагон и нашёл чемодан, но взять его ему не удалось.

– Не трогать! – в приказном тоне сказал мужчина, сидящий рядом с чемоданом. – Кто вы? Я вас не знаю.

– Я дядя девочки, которая здесь ехала.

– Без девочки не отдам, – последовал ответ.

Вагон толкнуло, и поезд начал медленно двигаться.

– Вон она! – уже кричал Иван, указывая на бегущую за окном по перрону девочку.

Чемодан был отдан и Иван, с тяжёлой ношей соскочил с подножки набирающего скорость поезда.

– Успел! Успел! – Лена захлопала в ладошки и запрыгала на месте.

– Да, успел, – Иван достал носовой платок, вытер лоб и шею. – Если бы не уговорил твоего сторожа, то ехал бы сейчас в поезде. Неведомо куда.

Анна взяла за руку племянницу, Иван за ручку чемодан и все, не спеша, пошли в сторону выхода с вокзала.

С приходом племянницы жизнь в семье Ивана и Анны стала светлее и радостнее, поэтому, после намеченных трёх дней пребывания Лены у тётки, Анна телеграфировала сестре, прося оставить девочку у неё на продолжительное время. После согласований Леночка осталась у Анны на полгода.

Иван оказался добрым и заботливым. Своих детей у Ивана с Анной не было, и Лена стала для них отрадой, тем чего так не хватало для существования счастливой семьи.

Дни пролетали стремительно, сменяя друг друга. Иван научил племянницу играть в шахматы и по вечерам в доме происходили шахматные баталии. Днём Лена помогала тётке по хозяйству, особенно она любила наблюдать, как та доила козу Катю, а потом, ей доставалась кружка парного козьего молока.

Осень заканчивалась, приближалось время возвращения домой. Лена уже не думала об играх, она скучала о родителях, и ей не терпелось быстрее их увидеть. С наступлением зимы Иван отвёз Лену к Татьяне.

Отец Лены приехал один.

– А мама где? – задала вопрос дочь, глядя большими круглыми глазами на отца.

– Мама? – Яков задумался. – Мама задержалась, позже будет.

Пелагея Афанасьевна и Татьяна тоже посмотрели на Якова вопросительно и с какой-то настороженностью во взглядах. Яков изобразил что-то глазами, из чего женщины поняли, что ответ они получат позже. А позже, когда Лена спала, он сказал, что его жена влюбилась в молодого артиста и уехала с ним на гастроли. Из глаз Якова покатались крупные слёзы, и он сказал:

– Люблю я свою Мурку, но у меня осталась только дочь.

– Может ещё образумится? – тихо, чтобы не разбудить ребёнка спросила Татьяна.

– Нет. Думаю всё так и останется. Я вот чего думаю. Афанасьевна, поехали со мной и дочкой в Нерчинск. Там мне предлагают работу в горфинотделе. А Мария, надо будет, туда приедет.

– Яша, как скажешь. Ты отец, тебе и решать.

– Ну, давайте. Пару дней на сборы и вперёд.

Татьяна молча слушала разговор, незаметно утирая слёзы. Ей было жалко Леночку, ребёнка, по сути, являлся заложником в безответственной игре взрослых.

Как и намечали, через два дня Яков с семьёй отправился в Нерчинск.

Нерчинск – небольшой городишко, состоящий из одних деревянных домов, и лишь в центре возвышалось большое четырёхэтажное кирпичное здание тюрьмы.

Для жилья сняли маленький домик на берегу реки Нерчи, состоящий из двух комнат и кухни с печкой. Жили скромно, зарплата у Якова Васильевича была небольшая, и большая часть её уходила на оплату жилья. Бабушка Пелагея занималась домашним хозяйством. Леночка помогала ей как могла, а в свободное от дел время подолгу сидела у окна и смотрела на реку.

Приближалось Рождество, все его ждали, но в преддверии праздника вышел правительственный указ об отмене празднования Рождества и других религиозных праздников.

И вот, наступил день праздника. Вечером в дверь дома, где жила семья, постучали. Яков Васильевич настороженно пошёл открывать дверь.

– Рождество Твоё, Христе Боже наш, – запели детские голоса.

На пороге дома стояла небольшая группа мальчишек, явно в надежде что-нибудь накалядовать.

– А ну, пошли отсюда! – грозно прикрикнул Яков и топнул ногой.

Мальчишки побежали от дома с криками: «Жида! Жида!».

– Ну, зачем ты так? – с какой-то обидой сказала Пелагея Афанасьевна. – Пусть бы пославили Рождество.

Яков закрыл дверь и ещё больше нахмурил брови.

– Не надо дразнить быка красным, сразу же донесут куда надо, что славили Рождество, хлопот тогда не оберёмся.

Через месяц после дня рождения Леночки, ей исполнилось 6 лет, в гости приехала Мария Сергеевна. Её приезд стал для всех большим праздником, ну и, конечно же, больше всех радовалась Лена. Целыми днями она была с мамой и практически ни на минуту не отходила от неё.

Яков в глубине своей души надеялся, что Маша останется с ними. Разговора на эту тему он не заводил, ждал, что вот-вот Мария сама всё скажет, но дни шли, отпуск подходил к концу.

– Ну вот, – явно волнуясь, начала разговор Мария. – Закончился мой отпуск, пора уезжать.

– Мамочка! Не уезжай, – с плачем кинулась в объятия матери Лена.

– Я не могу, золотце моё, мне надо ехать. Меня ждёт работа, – Мария посмотрела на Якова виноватым взглядом.

Яков молчал и нервно кусал свои губы. Хотел посмотреть Марии в глаза, но не смог, смотрел в пол.

– Не плачь. Ты с бабушкой и с папой. Наладятся у меня дела с работой, и мы будем вместе.

Пелагея Афанасьевна, наблюдая за прощанием, всё время вытирала платком мокрые от слёз глаза.

После отъезда Марии отец Лены начал пить.

– Бабуля!!! – дверь распахнулась и в коридор ввалился растрёпанный Яков. С трудом стоя на ногах, он указательным пальцем указывал на потолок и пытался что-то сказать ещё.

– Яша-а-а, – протянула Пелагея и села на табурет.

– Я, я! Я – батька Махно! Вот кто я! – Яков пошатнулся и опрокинулся назад, оперевшись спиной о стену.

– Молчи, молчи, чёрт пьяный, – запричитала Пелагея.

– Молчать! Где доча!

– На печи, спать собирается. Молчи. Чего расшумелся.

– Леночка, – ласковым голосом заговорил Яков, оттолкнулся от стены, но не удержался на ногах и упал на колени.

Лена отползла от края печи и спряталась под одеялом.

– Доча, не бойся! Я твой батька, я тебя никому не отдам! Батька Махно всех спасёт! – сопя и что-то бормоча себе под нос, Яков направился к кровати.

– Иди, иди ложись спать, – замахала на него Пелагея.

Яков остановился и повернулся лицом к бабушке, приложил палец ко рту и тихо произнёс: «Тссс». Пелагея уже начала успокаиваться, когда вдруг Яков громко запел: «Боже, царя храни! Сильный, державный...».

– Очумел, что ли?

– Цыц, старая! Я... – не договорив, Яков рухнул на кровать и тут же заснул, о чём говорил негромкий равномерный храп.

Так происходило довольно-таки часто. По утрам, как правило, Яков, чувствуя свою вину за вечерний концерт, виновато смотрел на дочь и Пелагею. Но через пару дней всё повторялось.

Так прошёл целый год.

Однажды ночью в дом бесцеремонно пришли трое, провели обыск, перевернув все вещи, и увели Якова Васильевича.

– Бабушка, – тихо спросила Лена, – а куда папу увели.

– В тюрьму, деточка. В тюрьму, – очень грустно ответила бабушка.

На следующий день Пелагея Афанасьевна пошла в кирпичный дом, в тюрьму, чтобы узнать судьбу Якова. Когда она вернулась, на пороге её встретила внучка, в вопрошающем взгляде семилетнего ребёнка не было ничего детского. Бабушка посмотрела на Лену и произнесла:

– Сто восьмая. Контрреволюция.

Леночке эти слова ничего не говорили, но по тому, как их произнесла бабушка, она поняла, что это всё очень плохо.

Дни потянулись, медленно сменяя друг друга. Пелагея Афанасьевна ходила в тюрьму и носила передачи для Якова, а он передавал письма, в которых писал стихи для дочери. Леночка их заучивала наизусть и по вечерам, глядя в окно на реку, произносила шёпотом выученные строчки.

Мария Сергеевна, узнав о случившемся, стала присылать деньги, на которые жили бабушка и внучка.

Потянулись монотонные дни, сменяя друг друга. Каждый день был копией предыдущего, менялась только природа. Казалось, что уже ничего не может измениться.

И вот, ещё один год прошёл, Леночке исполнилось 8 лет. Впереди школа.

Летом приехала Мария и в разговоре с Пелагеей Афанасьевной сказала:

– Хочу Леночку свозить на месяц к нам, познакомить с Павлом Адриановичем.

– Ну, что же, вези. Я-то, что? Я не против.

– Пусть подружатся. Как дальше жизнь сложится? Жить дальше, наверное, придётся вместе.

– Да, да. Я-то, что? Я не против, – каким-то обречённым голосом ответила Пелагея Афанасьевна.

– Вот и ладно, завтра соберёмся и послезавтра поедем.

Лена была очень рада этому решению старших.

Дорога заняла всего один день, но куда её привезла мама, Лена не знала. Приехали на маленькую станцию, которая стояла на берегу большой реки. На тупиковой железнодорожной ветке стояло несколько маленьких вагончиков, в них жили артисты. Лена с мамой и Павлом Адриановичем стала жить в небольшом купе.

Целыми днями Лена с девочкой из соседнего купе играли на берегу реки, строили из песка замки. Павел часто принимал участие в их играх. Заниматься с детьми ему было интересно, и он постоянно придумывал что-нибудь, чтобы разнообразить их игры.

– Девочки, а хотите покататься по реке? – спросил как-то Павел детей.

– Да!

– Очень хотим!

– Тогда немного подождите, я сейчас.

Павел ранее приметил на берегу небольшой плот из нескольких брёвен, связанных между собой прутьями кустарника. Это плавсредство он и столкнул в воду, пригласив детей прокатиться по реке.

Оттолкнувшись шестом от дна, Павел направил плот по реке вдоль берега. Однако течение имело другие планы, направив плот к середине реки. Вначале никто по этому поводу не волновался, но когда вдруг ветки начали расплетаться и плот стал рассыпаться, всех, кто был на нём, и на берегу охватила паника. Брёвна проворачивались при попытке зацепиться за них, девочки начали кричать и беспомощно барахтаться в воде. Павел не знал, что делать, он не мог спасти сразу двух. На берегу Мария бегала и кричала, она ничем не могла помочь, к своему стыду она не умела плавать.

Сработало подсознание, Павел пальцами, как клещами вцепился в торец бревна, не давая ему повернуться.

– Хватайтесь за бревно! – крикнул он девочкам.

Долго их уговаривать не пришлось, дети быстро ухватились за спасительное бревно, а Павел стал толкать его в сторону берега. Всё произошло очень быстро, но для всех участников этой драмы время тянулось бесконечно долго.

Добравшись до берега, дети сразу оказались в объятиях своих родителей, и никто не обратил внимания на Павла. А он стоял на четвереньках на отмели и тяжело дышал, сердце бешено колотилось, а в глазах проплывали яркие круги. Он ещё не пришёл в себя от страха за детей. Только сейчас до него дошло, что прогулка на плоту могла закончиться гибелью детей, да и ему тогда было бы лучше на берегу не показываться.

– Ты о чём думал! – это первое, что услышал Павел, придя в себя. Подняв голову, он увидел Марию, которая как дикая кошка приближалась к нему.

– Я хотел...

– Ты чуть не угробил детей!

– Маша...

– Я! Я тебя... я...

Павел не стал слушать дальше, ноги согнулись и он упал плашмя в воду. То ли сильно устал, то ли от сильного нервного напряжения потерял сознание. Мария быстро подбежала к нему и подняла из воды голову. Павел открыл глаза.

– Дурак, – сказала и вся злость улетучилась.

После этого случая интерес детей к воде пропал, вернее не интерес пропал, а появился страх.

По окончании отпуска Мария отвезла дочь к бабушке в Нерчинск. Лето заканчивалось, надо было определяться со школой.

Как ни покажется нам странным, но прежде чем определить детей в школу, с ними проводили собеседование, чтобы понять в какой класс направить ребёнка – для одарённых детей или туда, где будут учиться остальные. Вопросов на собеседовании задавали много и детям они казались глупыми. Лена не ответила только на один вопрос:

– Ехал велосипедист, упал и убился. Что надо было сделать? – с ухмылкой закончил свой вопрос директор школы.

– Надо было его похоронить, – серьёзно ответила Лена.

– Надо было отвезти его в больницу, чтобы там определили: умер он или ещё жив, – задавшего вопрос явно возмутил ответ девочки.

Лена промолчала, она была уверена в правильности своего ответа и её отправили в класс для тех, кто не зарекомендовал одарённым ребёнком.

Учиться в первом классе Лене было скучно и неинтересно, она умела хорошо читать и писать, знала основы арифметики, всё это благодаря своим тёткам – Тане и Ане.

Наступил праздник 7-го ноября, школьники приняли участие в праздничной демонстрации. Учащихся построили во дворе школы в колонну по четыре и раздали всем маленькие красные флажки. Под музыку небольшого духового оркестра колонна пошла по улицам города, дети кричали «Ура!» и размахивали флажками. Проходя мимо здания городской тюрьмы, Лена обратила внимание на то, что из окон с решётками махали руками заключённые. Ей показалось, что она увидела своего отца.

– Это мой папа машет! – закричала Лена и замахала обеими руками. – Папочка, я здесь!

Рядом идущие дети повернули головы в сторону тюрьмы и начали махать флажками, отвечая заключённым.

К Лене быстро подбежала учительница и дёрнула её за руку:

– Замолчи сейчас же! – глаза женщины были наполнены гневом. – Замолчи! У тебя нет папы!

Жестокие и обидные слова, как плёткой стеганули по юной душе. Лена заплакала. Плакала она до тех пор, пока не пришла домой, где бабушка, обняв внучку, успокоила её.

– Успокойся, внученька, они ничего не знают. Есть у тебя папа. Есть. Он просто не может сейчас быть с тобой. Но настанет день и вы будете все вместе ты, мама и папа.

Для продолжения следствия Якова Васильевича этапом отправили в Минусинск. Смысла оставаться в Нерчинске бабушке и внучке уже не было, они собрались и поехали вслед за отцом.

Люди в поисках лучшей жизни всегда переезжали с места на место, несмотря ни на какие трудности. Вот и в эти годы массы людей перемещались по стране в разных направлениях. Поезда были забиты так, что в вагонах приходилось сидеть на собственных вещах в проходах и тамбурах. По несколько дней люди сидели на вокзалах в ожидании билетов.

Преодолев трудности переезда на поезде, Пелагея Афанасьевна вместе с внучкой приехали в город Абакан. Дальше железной дороги не было. Для продолжения путешествия необходимо было переправиться через реку Абакан, и на другом берегу найти попутную машину.

Нашли паром. Переправляясь на другой берег, Лена всё время смотрела на паромщика. Ей было интересно, как небольшого роста коренастый мужчина, перебирая руками по канату, натянутому между двумя берегами, перемещал паром по реке. Паромщик, заметив на себе пристальный взгляд девочки, коротко ей улыбнулся и продолжил свою нелёгкую работу.

Ещё на пароме Лена почувствовала, что начинает замерзать. Дул холодный ветер и сыпал снежок, а она была в летних туфельках и в лёгком пальтишке. Причалив к берегу, все пассажиры вышли на пустынный берег, никаких строений здесь не было. Сбившись в кучку, люди стали ждать машину. Лену начало трясти от холода, пальцы ног стали болеть.

Ждать пришлось долго. Часа через два приехал грузовик, доверху загруженный мешками. В кабину села женщина с грудным ребёнком, а остальные полезли в кузов на мешки. В дороге все крепко держались друг за друга, чтобы не выпасть с кузова на поворотах и колдобинах. Ветер пронизывал насквозь, ноги у Лены уже не болели, она их просто не чувствовала. Так проехали около 40 километров.

Машина остановилась около небольшой деревушки.

– Всё! – громко сказал шофёр, вылезая из кабины. – Слезьте, дальше не поеду. Ищите другую машину. До Минусинска километров 15 осталось.

Кое-как Лена с бабушкой дошли до крайней избы и постучались. Дверь открыла женщина средних лет, на просьбу пустить переночевать она согласилась и запустила гостей в дом.

Когда Лену разули, хозяйка ахнула. Пальцы на ногах девочки были белыми и твёрдыми. Взрослые срочно начали растирать водкой отмороженные пальцы ребёнка. Боль вернулась, когда пальцы стали отходить от отморожения, Лена, закусив губу, мужественно выдержала это.

День закончился. Измученные дорогой, Пелагея Афанасьевна и Лена заснули быстро. Хозяйка постояла немного над спящей девочкой, утёрла подолом фартука слезу и ушла, задвинув занавеску закутка, где спали гости.

На следующий день бабушка с внучкой добрались до Минусинска и сразу отправились на улицу Набережная, где стоял дом Василия Ивановича Ефимова.

– Ну, вот, Леночка, пришли, – остановившись у одноэтажного кирпичного дома, сказала Пелагея Афанасьевна. – Здесь живёт твой дед.

Слепой дед, жил с младшим сыном Николаем и женщиной, которая вела хозяйство и ухаживала за Василием Ивановичем. Николай, окончив в Красноярске пединститут, работал преподавателем в техникуме. С прибытием племянницы он рассчитал домработницу, возложив, таким образом, всю домашнюю работу на Пелагею Афанасьевну, которой в то время было 56 лет. А работы было много – ухаживала за слепым дедом, готовила еду, пекла хлеб и носила его продавать на базар, стирала на всех, а летом добавился ещё огород. Лена занималась прополкой и поливом огорода, для этого она ходила с ведрами на реку и носила воду, а по вечерам от этой работы у неё сильно болели руки и спина. В свободное от учёбы и огорода время она мыла полы в доме, чистила овощи, помогала стряпать пироги и пельмени. Через многие годы она вспоминала то время словами: «Тогда закончилось моё детство», а было ей всего 9 лет.

Между протокой и Енисеем был остров километров 10 шириной, там стояла небольшая деревенька, на краю которой возвышалось четырёхэтажное кирпичное здание, точно такое же, как в Нерчинске – тюрьма. Вот туда Пелагея Афанасьевна, а потом и Лена носили передачи Якову Васильевичу.

Передачи в тюрьме принимали с 9 часов утра. Очереди для того, чтобы передать передачу были огромные. Лена приходила пораньше и тогда часам к 12 очередь доходила до неё. Осмотр передаваемого был очень тщательный, если находили сигареты или выпивку, то всё возвращали обратно. Можно было передавать письма и дожидаться обратного ответа.

Лена носила передачи с большим удовольствием. Отец в ответных письмах всегда писал ей стихотворения. Окна одиночной камеры, где он сидел, выходили на дорогу и, когда Лена приходила, махал ей рукой, а когда уходила, долго смотрел вслед, пока она не скроется за поворотом.

Вскоре следствие по делу отца закончилось, состоялся суд, ему дали 10 лет и отправили на строительство Беломоро-Балтийского канала.

Отправили Якова Васильевича и стало пусто, жизнь словно остановилась, все дни слились в один бесконечный нудный день. И когда уже стало невмоготу от монотонности жизни, приехала Анна Сергеевна, а вместе с ней новости о родных.

В день приезда Анны, вечером сели за чай и всей семьёй стали слушать рассказ о нелёгкой судьбе близких им людей.

– Как Иван? Небось, в начальниках ходит? – задала вопрос Пелагея Афанасьевна.

– Ой, мама, что ты, – тяжело вздохнула Анна. – Он никак не может ни с кем сработаться. Был уже главным бухгалтером, говорит: «Всё руководство жулики и воры. Что случится, отвечать буду я один, а они в стороне останутся».

– И как? – раздался из угла комнаты голос Василия Ивановича.

– Как? Вот так. Уволился, продали дом, отец-то Ивана умер, и уехали в Экибастуз. На шахтах в управлении устроился главным бухгалтером.

– И, слава богу, – как бы подвела итог бабушка Пелагея.

- Так это не всё, – Анна махнула рукой, затем прикрыла ладонью глаза. Все слушатели замолчали и стали «сверлить» глазами рассказчицу.
- Год смог только проработать. Боролся с воровством в партийной элите. Директор предложил Ивану уволиться по собственному желанию.
- И как? – поступил вопрос от деда Василия.
- Анна посмотрела на слепого старика, опять махнула рукой.
- Уволился! Говорит: «Наша страна – это колосс на глиняных ногах, долго это народ терпеть не будет, и она рухнет и придавит всю эту партийную мразь».
- Ой, что говорит-то, – забеспокоилась Пелагея Афанасьевна.
- Вот мы с ним подумали и надумали в Крым уехать. Собственно, я за вами приехала. Хотим вас с собой на Чёрное море увезти...
- Ура! – не дав договорить тётке, закричала Лена.
- А Татьяна как там? – спросила Пелагея Афанасьевна. – О ней что слышать?
- Татьяна наша без фортелей не может.
- ?
- Татьяна вышла замуж за крупного партийного деятеля.
- Да ну?
- Вот и да ну. Только через несколько месяцев его командировали в Москву в Высшую партийную школу на учёбу на 4 года. Обещал, что на летние каникулы приедет и решит вопрос о том, чтобы забрать Татьяну с собой в Москву.
- И как? – поинтересовался дед Василий.
- А он не приехал. Написал, что приехать не сможет, мол его не отпускают. Татьяна, конечно, вскипела, возмущалась: «Так я ему и поверила! Нашёл там себе какую-нибудь шлюху. Если не приедет, то между нами всё будет кончено». Ну, всё ему это и написала. Два года от него не было ни одного письма.
- Написал? – в нетерпении спросила Лена.
- Нет. У Татьяны нашли какую-то болезнь позвоночника и порекомендовали поехать в Севастополь, там есть институт, который занимается этими проблемами. Вот она и поехала. Поехала через Москву и нашла там своего бывшего. Он женат.
- Ну и хорошо, – заключила бабушка Пелагея. – Непутёвый он. А Татьяна-то как?
- Татьяна? Приехала в Крым, живёт и работает в Балаклаве, раз в неделю ездит в Севастополь на лечение. При больнице, где она работает, ей дали комнату.
- Анна посмотрела на Лену, погладила её по голове и добавила:
- Так что, собирайся, поедem жить к тётке Тане. Она нас всех ждёт.
- Через несколько дней, измученные долгой дорогой, бабушка, тётка и племянница прибыли в Балаклаву. Татьяна с Иваном их встретили и отвезли на квартиру. Завхоз в больнице снабдил всех прибывших матрацами и подушками. И зажили все впятером в маленькой комнатухе. В тесноте, как говорится, да не в обиде.
- Лена была очарована красотами Балаклавы: на склоне горы, утопая в зелени фруктовых деревьев и кипарисов, белели красивые домики с террасами и верандами. Повсюду были клумбы с цветами. А в сторону моря по горе вилась тропинка. У Лены захватило дух от увиденного сказочного зрелища: по спокойному синему морю тянулась золотая полоска от близкого к горизонту солнца. Подобного она в жизни ничего не видела. Лена готова была раствориться в синеве моря или стать частичкой золотой солнечной дорожки. А по морю скользили в разных направлениях парходики, яхты и рыбацьи лодки.
- Но жизнь не состоит из одних праздников, есть и будни. Лена пошла в школу в 3-й класс, тётка Аня взяла над ней шефство по проверке готовности уроков. Проблем с обучением не было благодаря феноменальной памяти Лены, и с заданиями она справлялась легко и быстро.

Иван никак не мог найти себе работу. Обойдя без результата почти все уголки Балаклавы, он решил уехать в Семипалатинск, там устроиться на работу и затем забрать Анну к себе.

Время летело быстро, закончив 3-й класс, Лена с бабушкой решили вернуться в родные края, там хоть и климат не как в Крыму, но как-то уютнее. Без лишних хлопот собрались и вернулись в Минусинск. Прожив там год, судьба отправила их в Ленинск-Кузнецкий, где Мария с Павлом работали по контракту в местном театре.

Описывая путешествия этой семьи из одного конца России в другой, удивляешься, какой силой и терпением обладали эти люди, совершая частые переезды.

– Вижу у вас здесь всё ладно, – завела разговор по приезду Пелагея Афанасьевна. – Поеду к Анечке, в Семипалатинск. Что-то у меня душа болит за неё.

– Поезжай, мам. Мы здесь справимся.

У Лены, тем временем, появились приятные заботы – маленький щенок.

– Мама! Кто это? – спросила Лена, когда увидела маленький пушистый комочек.

– Это Лайфу. Наша собака.

Оказалось, что вместе с Марией и Павлом в поезде ехал китаец, у которого была беременная собака. Вот она и оценилась в дороге. Китаец подарил своим соседям по купе щенка и сказал:

– Назовите его Лайфу, на русском языке означает – приносит счастье.

Лена со щенком гуляла и играла, кормила и купала, а вечером укладывала спать в углу на подстилке. Щенок стал занимать большую часть её времени. Маленький друг явно положительно влиял на Лену, она стала веселее, появился румянец.

– Знаешь, Лёка, – как-то мама завела с дочерью разговор. – Мы с Павлом Адриановичем посоветовались и решили, что здоровье у тебя слабенькое и не мешает тебе одну зиму отдохнуть от учёбы. А вместо школы, я договорилась с одной пианисткой, она будет обучать тебя игре на пианино.

Лена не возражала против такой перспективы, она два раза в неделю стала ходить в театр на занятия, а потом оставалась и смотрела кино, после спектакля в театре для публики организовывали киносеансы. Лена никогда раньше не смотрела кино, и это действие для неё было подобно сказке.

Наступило 1 сентября, дети пошли в школу. Лена с завистью смотрела на проходящих мимо неё нарядных детей с книжками и портфелями. Стало грустно, она села на скамейку и заплакала, и только верный Лайфу утешал, слизывая с её щёк слёзы.

Освободившееся от учёбы время Лена решила потратить на домашние дела. А вскоре произошёл такой случай. Она стала свидетелем большого скандала между мамой и Павлом Адриановичем. Проблема возникла из-за накопившегося грязного белья, постирать которое, не было времени. Вот она и решила помочь маме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.